

Некрасова Л. С.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЗМОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/66.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 154-157. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Однако с другой стороны, само функционирование системы обучения иностранного языка в вузах осложнено тем, что вузы не могут позволить себе увеличивать сроки обучения для лучшего овладения иностранным языком по материальным соображениям. Более того, в последнее время наметилась тенденция сокращать часы изучения иностранного языка для обеспечения необходимого минимума учебного времени по предметам основной образовательной программы.

В этой связи возникает серьёзная исследовательская и методическая проблема: обеспечение в современных условиях должного, соответствующего поставленным целям, уровня владения иностранным языком.

Таким образом, вопрос эффективной стратегии преподавания иностранного языка в вузах становится актуальным для формирования оптимального управления процессом подготовки специалистов со знанием иностранного языка. Целесообразность языковой политики и стратегии зависит от того, насколько глубоко проанализированы и учитываются ли при её формировании социально-экономические факторы, детерминирующие развитие системы преподавания иностранного языка в конкретном историческом контексте.

При определении возможностей дальнейшего развития системы языкового образования в вузах с углубленным изучением иностранного языка мы выделяем следующие проблемные вопросы, решение которых могло бы повлиять на качество языковой подготовки в исследуемой группе вузов:

1. Государственная политика языкового образования на институциональном уровне должна определять статус всех вузов (факультетов) с углубленной языковой подготовкой, в том числе и так называемых специализированных вузов. На наш взгляд, только такой подход создаст необходимые условия для формирования эффективной системы обучения иностранному языку в данных вузах, будет способствовать процессу стандартизации образования, и, следовательно, обеспечению контроля качества создаваемых в данных вузах образовательных программ, сформирует необходимые условия для расширения номенклатуры изучаемых языков.

2. В соответствии со статусом данных вузов необходимо конкретизировать цели обучения, уточнить содержание учебного процесса, пересмотреть методы, технологии и организационные формы обучения иностранному языку, т.е. все компоненты, составляющие систему обучения.

3. На основе их уточнения и взаимного согласования необходимо сформировать примерную модель системы обучения иностранному языку в вузах с углубленной языковой подготовкой.

4. Данная модель должна быть апробирована на практике и в случае положительного результата рекомендована к внедрению в работу вузов.

5. Модель должна учитывать:

- а) спрос на специалистов соответствующей квалификации на рынке труда;
- б) потребности и спрос населения на рынке образовательных услуг;
- в) тенденции политики развития системы образования в Российской Федерации;
- г) международные тенденции глобализации и интеграции социально-экономических процессов общества, формирование информационного общества;
- д) процессы развития информационно-коммуникационных и педагогических технологий.

Список использованной литературы

1. Постановление Правительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // Российская газета. 11.10.00. № 196.

2. Сысоев П.В. Концепция языкового поликультурного образования. - М.: Научно-исследовательский центр «Еврошкола». 2003. С. 138.

3. Сафонова В.В. Культурно-языковая экспансия и её проявления в языковой политике и образовании // Иностранные языки в школе. 2002. № 3. С. 15.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЗМОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Некрасова Л. С.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Исторический роман, как его определяет Ю.С. Райнеке в своем диссертационном исследовании, - гибридный жанр, соединивший в себе два начала - литературу и историю. И для полноты картины писатель неизбежно вводит в ткань повествования историзмы, без которых невозможно передать особенности описываемой эпохи [Райнеке, 2002: 27-28].

Анализируя лексику исторического романа, важно учитывать, во-первых, что обычно авторы исторических романов отказываются от точного воспроизведения языка описываемой эпохи и ориентируются на языковую норму своего времени, так как злоупотребление устаревшими словами может затруднить восприятие произведения современным читателем.

Во-вторых, следует помнить, что архаизированная речь предполагает наличие у читателя соответствующих фоновых знаний, обеспечивающих адекватное понимание текста. В самом деле, чтобы получить подлинное эстетическое наслаждение, читая исторический роман, необходимо знание истории, культуры, филологических традиций соответствующей эпохи.

В-третьих, по справедливому замечанию З.Я. Тураевой, включение определенного вокабуляра в ткань повествования - сигнал социальной, временной и локальной принадлежности персонажа. Вплетенные в ткань авторской речи или в речь персонажей лексические единицы могут являться средством передачи дополнительной информации о действующих лицах, об их социальном статусе [Тураева, 1986: 32].

Прежде чем рассмотреть стилистические функции историзмов в историческом романе, обратимся к определению историзма. Историзмы - слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначающих ими понятий, представляющие собой группу в составе лексики пассивного словаря. Это единственные названия исчезнувших предметов и явлений действительности, которые не являются активной частью повседневной жизни. Историзмы не имеют параллелей (синонимов) в современном языке и выполняют главным образом номинативную функцию, в результате чего они в большинстве своем являются существительными, реже прилагательными, еще реже глаголами.

В художественных произведениях, где вымыслу и авторской интерпретации отводится значительное место, набор стилистических функций историзмов намного разнообразнее, чем, например, в жанре документальных хроник.

В связи с этим анализ историзмов в историческом романе целесообразно проводить в соответствии с выделяемыми нами тремя основными стилистическими функциями историзмов, когда происходит соответствие историзмов теме повествования, проявляется их инородность или они контрастируют с окружающим контекстом.

Первая стилистическая функция объединяет историзмы, которые делают художественное произведение отличным от текстов быденной речи. В процессе анализа мы имеем дело с материалом исторического романа, где присутствие историзмов - неотъемлемый атрибут, посредством которого автор добивается реализации важнейших задач: воссоздания колорита описываемой эпохи, ее стилизации или, как называет задачу этой функции Л.И. Раздобудько-Чович, создания иллюзии достоверности, иллюзии полного исторического «правдоподобия» [Раздобудько-Чович, 1999: www.ni.ac.yu].

Безусловно, называя определенные предметы и явления жизни, историзмы выступают в своей основной функции - номинативной, но, тем не менее, за ними закреплена и стилистическая функция по исторической стилизации. Сам процесс исторической стилизации вслед за О.С. Ахмановой мы определяем как подражание средствам (приемам, способам) выражения, типичным для прошлых исторических эпох в развитии общества и языка [Ахманова, 2004: 454].

Вследствие такой многочисленности, основываясь на полученных результатах исследований текстов исторических словесно-творческих произведений, целесообразно выделить среди историзмов следующие тематические подгруппы: 1. денежные знаки, 2. ремесла и виды занятий, экономические отношения, 3. политические и религиозные понятия/явления, 4. социальные отношения и социальное положение человека, 5. развлечения и явления культурной жизни, 6. предметы быта, 7. средства передвижения, 8. воинское снаряжение.

Приведем ряд примеров:

1. He was not a big fellow, this Pierre Charron, hero of the fur trade and the coureurs de bois, not above medium height, but quick as an otter and always sure of himself [Cather, 1990: 570].

2. «It's called a camera obscura.» [...] I stood aside and watched him [Johannes Vermeer] unlock a catch and lift up part of the box's top, which had been divided in two and hinged together. He propped up the lid at an angle so that the box was partly open. There was a bit of glass underneath [Chevalier, 1999: 56-58].

В первом примере речь идет о траппере, *coureurs de bois* (фр.), - канадском охотнике (в основном на пушного зверя), траппер (*уст.*) [www.lib.aldebaran.ru]. По своей лингвистической природе это лексический историзм.

Во втором примере речь идет о *camera obscura* - предмете, ставшем прототипом фотографического аппарата, который представляет собой затемненное помещение или закрытый ящик с малым отверстием в одной из стенок, выполняющим роль объектива [БСЭ]. Интересно отметить, что «расшифровка» этого приспособления дается автором в самом произведении: назначение предмета раскрывается посредством объяснения другим героям произведений.

Обратимся ко второй стилистической функции, когда историзмы воспринимаются как иностелевые в литературных произведениях благодаря их претенциозно-отчуждающей окраске [Брандес, 1983: 122], являясь приемом создания высокого стиля; могут способствовать созданию торжественного, приподнятого тона, резко отличающегося от быденного [Морен, Тетевников, 1960: 165].

Взятые изолированно, в отрыве от контекста, эти слова обнаруживают преимущественную отнесенность к какому-либо одному определенному речевому стилю, т. е. ассоциируются с этим стилем, ощущаются как элементы этого стиля. Например, слово *scribe* в отличие от синонимичного ему слова *penman* обладает книжно-литературной окраской - в данном случае стилистическая специфика данных слов ясна вне контекста, вне речевой ситуации; стилистическая окраска является элементом их закрепленного лексического значения.

Но, как предупреждают М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнев в своих исследованиях, не следует смешивать стилистическую окраску слова с теми эмоциональными ассоциациями, которые могут возникать в уме говорящего или слушающего под влиянием самого выраженного данным словом понятия. В качестве примеров авторы приводят следующие слова: *death, graveyard, coffin, happiness, joy, poetry* - стилистически нейтраль-

ны, хотя предметы речи, ими обозначаемые, либо сами по себе имеют эмоциональную сущность, либо вызывают определенную эмоциональную реакцию в умах людей [Кузнец, Скребнев, 1960: 42].

В результате, историзмы, имеющие постоянную стилистическую окраску и противопоставляющиеся остальным элементам стилистически нейтрального контекста, благодаря такой претенциозно-отчуждающей окраске являются мощным стилистическим средством для создания особой патетики, высокого стиля и торжественного звучания художественного произведения. Будучи введены в нейтральный контекст, историзмы, придают свойственную им стилистическую тональность всему контексту в целом.

Заключительная, третья, стилистическая функция историзмов основана на ситуативной несовместимости историзмов с текстом описания. В результате историзмы в нейтральном контексте при несоответствующем предмете речи или речевой ситуации:

- вызывают комический эффект;
- имеют иронический смысл, выступают как средство юмора, сатиры при ироническом переосмыслении высокой устаревшей лексики и сознательном употреблении подобных слов в высказываниях, например, о будничных вещах;
- употребляются в целях пародии и являются средством выражения саркастического или резко отрицательного отношения автора к определенному персонажу;
- создают эффект обманутого ожидания.

Как выявляет проведенный анализ устаревшей лексики в ряде исторических романов, стилистические функции историзмов, когда речь идет о создании торжественного стиля или о комическом/ироническом эффекте, встречаются редко. Более того, тесным образом с последними двумя стилистическими функциями связана эмотивная функция языка. Вслед за большинством исследователей склоняемся к мысли о необходимости выделения данной функции в отдельную стилистическую функцию. В качестве главного довода ученые приводят следующий аргумент: существование эмоций - это объективный факт, как и их выражение средствами языка, следовательно, при анализе его функций естественно выделять эмотивную функцию, отражающую специфическую коммуникативно-деятельностную потребность человека - передать эмоциональное отношение к тому или иному событию, факту, предмету, явлению окружающего мира [Шаховский, 1990: www.russcomm.ru].

Обратимся к примеру:

Up ahead, the children and their female teachers had nearly reached the crest, and beyond that line were the snow-covered mountain peaks - pale wedges rising from the near horizon like the sails approaching galleons [Banks, 1999: 19].

В примере вершины гор сравниваются с галионом - старинным испанским парусным трехмачтовым судном [БСИС, 2005: 128]. Подобное сравнение с участием историзма *galleon* интересно не только самим использованием устаревшего слова в качестве изобразительного средства языка, когда имеет место выход на парадигматический уровень анализа языка, но и тем, что это можно отнести к примеру эмотивной функции. Любое сравнение способно вызывать ряд определенных эмоций.

Рассмотрим еще один пример:

«Everyone knows he is not changed, Pierre. He is only considered as a fish by the Church, so that hunters off in the woods can have something to eat on Fridays.»

«And suppose in Montreal some Friday I were to consider a roast capon as a fish? I should be put into the stocks, likely enough!» [Cather, 1990: 606].

Историзм *stocks* обозначает вид публичного наказания, распространенного в Средние века: the stocks pl - (in former times) a wooden frame in which criminals were imprisoned by the feet and sometimes hands in public view as punishment [LDELС, 2005: 1371].

В приведенном примере историзм переосмысливается говорящими, происходит его употребление в ироническом смысле: невозможно превратить бобра или кролика в рыбу - так говорит Церковь, а за непослушание и нарушение такого «закона» одно наказание - публичная казнь. Такое ироническое переосмысление историзма происходит благодаря тому, что историзм используется в нетипичном для него контексте - таким образом достигается эффект обманутого ожидания.

Но особенность подобных примеров в том, что ситуация использования данного историзма выявляет еще и эмоциональную нагрузку. Обсуждая возможность чудес накануне Рождества, герои очень эмоциональны в предвкушении торжества.

В вышеприведенном примере происходит переплетение стилистических функций историзмов в исторических произведениях: эмотивной функции языка и стилистической функции, основанной на эффекте обманутого ожидания.

Итак, в историческом романе среди стилистических функций историзмов доминирует функция стилизации, тем не менее, принципы и приемы исторической стилизации повествования являются умеренными.

Во второй и третьей стилистических функциях наблюдается их «зависимость» от жанра и задач словесно-творческого произведения, от авторской индивидуальности и особенностей стиля.

Несомненно, место и роль историзмов в языке произведений зависит как от давности изображаемой эпохи, так и от художественного метода и индивидуально-творческой манеры писателя. Авторы не прибегают к фронтальному использованию языка какой-либо из прошедших эпох - эффект достигается лишь вкраплениями в речь отдельных историзмов; чтобы облегчить понимание этих слов, авторы нередко сопровождают их

для читателя синонимами, антонимами, однородными членами, делают частью параллельных конструкций или синтагматических единиц, характеризующихся высокой степенью клиширования.

Список использованной литературы

1. **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 576 с.
2. **Брандес М.П.** Стилистика немецкого языка: Для ин-тов и фак. иностр. яз / Учебник - М.: Высш. шк., 1983. - 271 с.
3. **Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М.** Стилистика английского языка: Пособие для студентов пед. вузов / под ред. Н.Н. Амосовой. - Л.: Учпедгиз, 1960. - 172 с.
4. **Морен М.К., Тетеревникова Н.Н.** Стилистика современного французского языка. - М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз-ках, Москва, 1960. - 299 с.
5. **Раздобудько-Чович Л.И.** К вопросу об исторической стилизации в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (К 200-летию со дня рождения): <http://www.ni.ac.yu/Facta> UNIVERSITY OF NIŠ The scientific journal FACTA UNIVERSITATIS Series: Linguistics and Literature Vol. 2, No 6, 1999. - pp. 21 - 32.
6. **Райнеке Ю.С.** Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия): Диссертация на соискание уч. ст. канд-та филол. наук. - Москва. - 2002. - 155 с.
7. **Тураева З.Я.** Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». - М.: Просвещение, 1986. - 127 с.
8. **Шаховский В.И.** Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Сб.: Коммуникативные аспекты значения. - Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990: <http://www.russcomm.ru>.
9. www.lib.aldebaran.ru.

Источники и принятые сокращения

1. **Banks Russel Cloudsplitter.** - Harper Perennial, Harper Collins Publishers Inc., 1999. - 758 p.
2. **Cather Willa Later Novels.** - New York, NY.: Literary Classics of the United States, Inc., 1990. - 988 p.
3. **Chevalier Tracy Girl With a Pearl Earring.** - Penguin Books Ltd, 1999. - 233 p.
4. **LDELС - Longman Dictionary of English Language and Culture.** - Pearson Education Limited, Third Edition, 2005. - 620 p.
5. **БСИС - Большой Словарь Иностранных Слов / Сост. А.Ю. Москвин.** - М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. - 816 с.
6. **БСЭ - Большая Советская Энциклопедия** в 30-ти томах, электронный вариант, 3 CD.

«РОМАНТИК», «САНЬКА», «ТРЕТИЙ ЗВОНОК»: НЕИЗВЕСТНЫЕ РАССКАЗЫ Л. БОРОДИНА

Нестерова Л. А.

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Удивительно, что до сих пор не изучены самые первые рассказы Л. И. Бородина. Впервые о том, что они были опубликованы в областной газете г. Луга Ленинградской области «Лужская правда», стало известно из интервью писателя журналу «Русская литература» в 1998 году. Тем не менее, ни в одном из авторитетных изданий, таких как библиографический словарь «Русские писатели XX в.» 2000 года, ни в других изданиях подобного рода не упоминаются дебютные произведения прозаика.

Следует отметить и то, что сам Л. Бородин в многочисленных интервью подтверждал тот факт, что писать начал *только в лагере*, то есть не раньше 1967 года. Таким образом, рассказ о творческой биографии писателя традиционно начинается с 1969 года - года написания «Повести странного времени», - а не с декабря 1966 года, когда на последней страничке «Лужской правды» появился рассказ молодого директора школы станции Серебрянка «Романтик», а через месяц - «Санька». «Третий звонок» публикуется за шесть дней до ареста Л. Бородина, одного из членов ВСХСОН (Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа)¹, - 13 февраля 1967 года. В редакцию газеты автор принес десять рассказов, все десять редактор «Лужской правды» взялся печатать, но только три из них успели напечатать. Они-то и составили дебют Л. Бородина. Следующая открытая публикация прозаика на Родине произойдет лишь в 1988 году в газете «Литературная Россия», - спустя 21 год. Зарубежные публикации писателя начнутся только с 1975 года в журнале «Грани».

«Романтик». Кажется символичным, что название первого опубликованного рассказа Л. Бородина - «Романтик». Не раз литературные критики отмечали тяготение писателя к романтическим тенденциям в плане стиля, тематики, художественных приемов (Е. Клименко, Л. Аннинский, И. Савкина и др.). Люди, близко знавшие и знающие писателя (И. Глазунов, В. Бондаренко, Г. Владимов, А. Варламов), называют его романтиком в жизни и в литературе. Исследовательница И.А. Казанцева отмечает: «Творческая концепция действительности Л. Бородина своеобразна гармоничным, всегда художественно оправданным сочетанием элементов двух типов творческой работы: реалистического и романтического» [Казанцева 1994: 5]. Эта черта поэтики прозы будущего автора «Года чуда и печали» и «Женщины в море» видна уже в первых его опытах.

¹ Программу Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (Народно-революционная хартия) см., например: Бородин Л. Без выбора: Автобиографическое повествование. - М.: Молодая гвардия, 2003. - С. 444 - 487.